

В. Л. Комарович говорит, что здесь виден «литературный прием во всяком случае не современника. Задачу исторической реабилитации современник выполнил бы, конечно, иначе. Только у биографа из другой эпохи могло оказаться в распоряжении так мало подлинных фактов о реабилитируемом лице. Из всей „похвалы“ ведь только вставку о строительной деятельности Юрия можно признать за конкретный признак данного исторического лица, да и то слова „грады многи постави“ имеют в виду не столько факты, сколько далеко отстоящую от них по времени возникновение легенду. А все остальное — просто перенесенные на Юрия отвлеченные признаки чужих книжных характеристик».²⁷ Но и то единственное, что В. Л. Комарович счел «конкретным признаком данного исторического лица», таковым, как обнаружил А. Н. Насонов, не является: «Если автор напоминает о постройке Юрием Новгорода Нижнего, то потому, что это был единственный „город“, о постройке которого Юрием рассказывала летопись, а об основании Благовещенского монастыря — потому, что о каких-либо других монастырях (построенных Юрием) летопись вообще не говорила».²⁸ Значит, совершенно все, что сказано в «похвале» о Юрии, почерпнуто не из жизни, а из летописных текстов.

Как мы видели выше, прием заимствования, говоря словами В. Л. Комаровича, «у Лаврентия „похвалой“ не ограничивается; он распространяется и на весь предшествующий рассказ о самом нашествии».²⁹ Насколько я знаю, ни одна из древнерусских повестей не имеет такого и даже просто сопоставимого с повестью о Батыевой рати Лаврентьевской летописи процента заимствований. Повторяю, все это повествование написано или коренным образом переработано одной рукой.

А. Н. Насонов не согласился ни с датой М. Д. Приселкова (1239 г.), ни с датой В. Л. Комаровича (1377 г.). По его мнению, часть текста, включающая повесть о Батыевом нашествии, возникла в итоге присоединения ростовского летописного материала к владимирскому с одновременной переработкой последнего в начале 80-х годов XIII в.³⁰ Таким образом, он поддержал мысль М. Д. Приселкова о двусоставности повествования, но, как и В. Л. Комарович, вынужден был признать его итогом какой-то переработки первоначального материала. «Переработка делалась с целью показать читателю братское единение князей, дать образцы княжеского согласия и взаимной любви»;³¹ редактор «преследовал цель показывать в прошлом сцены согласия и по мере возможности не показывать распрей», он хотел «только говорить не о разногласии, а о согласии между князьями»;³² составитель пояснял, что «воздвигнуть междоусобную рознь стремится дьявол, который хочет, чтобы в вечной муке пребывал не он один, но и люди».³³

В свое время А. А. Шахматов сделал вывод об общерусском характере Лаврентьевской летописи: «Составитель лежащего в основании Лаврентьевской летописи свода задался целью собрать в одно целое летописные

²⁷ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 93.

²⁸ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. — Проблемы источниковедения, № 11, М., 1963, стр. 455, прим. 51.

²⁹ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 92.

³⁰ Владимирский летописный материал в первоначальном, по его мнению, виде А. Н. Насонов выделил по кусочкам из Московского свода 1479 г., см.: А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в.

³¹ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 450.

³² Там же, стр. 474.

³³ Там же, стр. 475.